

А.И. Павловская

"ОТ ГРАЖДАНИНА К ПОДДАННОМУ" – ИМЕЛ ЛИ МЕСТО ЭТОТ ПРОЦЕСС В ГРЕЦИИ В IV В. ДО Н.Э.?

Памяти Сергея Львовича Утченко

Эта тема впервые возникла в разговоре с Сергеем Львовичем Утченко незадолго до его смерти, когда он, намереваясь включить в план работы сектора древней истории в 1976 г. написание "Истории античной Греции", предложил мне принять в нем участие. Я ответила, что намечаемая проблематика далека от моей специализации, меня мог бы заинтересовать лишь вопрос об изменениях в мировоззрении и поведении граждан греческих полисов, попадавших под власть эллинистических царей и становившихся их подданными. Но такая тема выходила за рамки намечаемого издания.

Эта проблема интересовала и самого С.Л. Утченко в отношении римских граждан. Заканчивая свою последнюю монографию «Политические учения древнего Рима. III–I вв. до н.э.», он писал: «Полисная шкала ценностей покоилась в свое время на такой основе, которая предусматривала непосредственные и "неотчужденные" связи в системе "община – гражданин", т.е. *связи соучастия*. Новая концепция покоится уже на совсем иной, не менее прочной и вместе с тем более "жесткой" основе, т.е. на тех связях, которые создаются системой "империя – подданный" и которые должны быть определены как *связи подчинения*... Нам представляется, что путь, пройденный античным обществом в его социальном и политическом, в его государственном развитии, равно как и адекватное отражение этого пути в сфере идеологии, можно определить лаконичной формулой: от полиса к империи, от гражданина к подданному»¹. С.Л. Утченко как бы намечал тему своей следующей работы, но осуществить ее не успел.

Ее продолжила Е.М. Штаерман в главе «От гражданина к подданному» в первом томе коллективного труда «Культура древнего Рима».

Сущность перехода от гражданина к подданному С.Л. Утченко видел в изменении в системе взаимоотношений общины (полиса, *civitas*) и гражданина – переход от связей соучастия в управлении своей общиной к связям подчинения политическим силам, стоящим над гражданской общиной. Е.М. Штаерман проследила, как отражалась эта эволюция в социальной структуре римского общества, его идеологии и культуре. Она отметила, что в первые века Республики основополагающим было представление «о приоритете общей пользы коллектива и ее совпадении с пользой каждого ее члена, поскольку вне гражданской общины невозможна была и жизнь гражданина»². Принадлежностью к общине определялись права и обязанности римлянина (участие в политической жизни и войнах, управление своей *фамилией* и хозяйством, исполнение культа и жреческих обязанностей и пр.) и комплекс гражданских добродетелей –

¹ Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима. III–I вв. до н.э. М., 1977. С. 229.

² Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. I. М., 1985. С. 24.

virtus, jus, fides (связывавшая патрона и клиента, Рим и подчиненные ему общины), pietas, honos, libertas. Характерной и специфически римской чертой, по мнению Е.М. Штаерман, была неразрывная связь свободы и экономической независимости.

С течением времени притязания Рима на гегемонию над соседними общинами переросли в притязания на господство над другими народами, породили идею «провиденциальной миссии Рима» – возник так называемый «римский миф», формированию которого способствовали политические теории эллинистических авторов, в частности Полибия.

Вместе с ростом Римской державы, проникновением греческих философских и политических теорий, обострением политической борьбы внутри Римской республики возникли идеологические конфликты, внимание римлян привлекла проблема совместимости понятия справедливости и подчинения других народов, стали популярными среди части граждан идеи эпикуреизма (отказ от политической деятельности, уход в частную жизнь), обсуждались преимущества единоличного правления. Но «дух гражданственности» среди римского и италийского плебса еще не исчез. «Переход от "связей соучастия" к "связям подчинения" и отчуждению уже намечался, но еще далеко не был завершен. Еще жив был интерес к большим социальным вопросам, к вопросам политическим, еще ставились некие общие цели борьбы и не исчезла надежда на их достижение. Все это постепенно угасает с установлением принципата»³.

Социальная демагогия Августа и его преемников подрывала основы психологии гражданина: с началом проповеди завершенности исторической миссии Рима, с постепенным превращением в пустую форму системы ценностей и традиций начался еще не осознававшийся современниками кризис коллективных целей. Деятельность, направленная на решение важных для всего коллектива задач, утрачивает свое значение, это ведет к преобладанию мелких личных целей, «к прогрессирующему чувству оторванности, растерянности, одиночества, отчуждения, т.е. в конечном счете – к психологии не органически связанного с коллективом сограждан гражданина, а подданного, стоящего в стороне, не желающего ни во что вмешиваться и не верящего, что такое вмешательство может быть результативно и полезно»⁴. Растущая экономическая и социальная зависимость от вышестоящего порождала и моральную зависимость.

Анализируя сочинения философов и писателей I–II вв. (Сенеки, Тацита, Плиния Младшего, Диона Хризостома, Плутарха, Апулея, Эпиктета и др.), Е.М. Штаерман констатирует, что идеология высших классов уже далеко отошла от идеологии гражданина полиса, чувство «причастности» к гражданской общине сохранялось отчасти лишь в среде муниципальной знати. Город как гражданская община, раздираемая противоречиями, разделением граждан на *honestiores* и *humiliores*, неудержимо распадается⁵. «Окончательно разлагаются официальные традиционные ценности, а с ними и последние следы гражданственности, еще жившие в идеологии муниципальной знати, в период кризиса III века»⁶.

Намеченная С.Л. Утченко в отношении Рима схема: полис – империя / гражданин – подданный / связи соучастия – связи подчинения, а также ее отражения в развитии идеологии и культуры римского общества, прослеженные Е.М. Штаерман, вероятно, близки к реальности и дают адекватное представление о социально-политической эволюции римского общества и о процессе идеологической и психологической перестройки римских граждан на протяжении семи веков: с IV в. до н.э. по III в. н.э. Но применима ли эта схема к Греции в период независимости греческих полисов и в ходе их подчинения царям Македонии и формирования эллинистических государств?

Сразу же следует отметить существенное различие в исходной позиции изучаемых

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же. С. 87.

объектов: С.Л. Утченко и Е.М. Штаерман рассматривали процессы, происходившие в рамках *независимой общины* граждан – *civitas*, которая постепенно превращается в господствующее над многими гражданскими общинами государство – *империю*. В Риме изменение внутренней социально-психологической обстановки было теснейшим образом связано с изменением внешней социально-политической ситуации (не берусь судить о соотношении внутренних и внешних факторов). В Греции шла речь о подчинении граждан независимых полисов власти македонских царей. Имело ли место в этом случае ослабление связи: гражданин – полис? Греция уже в середине II в. до н.э. вошла в состав Римской империи, но правомерно ли распространять на греческие полисы схему социально-психологического процесса, выявленную на римском материале? Не будучи специалистом в этой области, я отнюдь не претендую на детальное рассмотрение и разрешение поставленных вопросов, позволю себе лишь высказать отдельные наблюдения, замечания и сомнения, возникшие у меня при знакомстве с некоторыми источниками и литературой.

Попытаемся прежде всего проследить соответствия нашим понятиям «гражданин» и «подданный» в греческом и латинском языках и их употребление в дошедших до нас текстах. Что касается понятия «гражданин», то соответствующие термины – греческий *πολίτης* и латинский *civis* – детально и в различных аспектах исследованы в историографии⁷. Но хотелось бы обратить внимание на одну особенность, мне кажется, уже привлекавшую внимание исследователей, а именно: греческий термин *πολίτης*, очевидно, возник в качестве производного от основного социально-экономического и политического понятия *πόλις* – как обозначение составной части его структуры⁸, а латинский термин *civis* является основным: совокупность *cives* образует социально-политическое единство – *civitas*, гражданскую общину⁹, социально-экономическую базу которой составляет *urbs* (=Рим).

Понятие «подданный», насколько мне известно, не было предметом специального исследования. В рассмотренной выше работе Е.М. Штаерман этот термин упоминается несколько раз: во вступлении к главе (с. 22), в параграфе «Римская империя» (с. 56) и в конце главы (с. 95). В докладе на научных чтениях памяти С.Л. Утченко, посвященном той же проблеме, она подчеркнула, что у римлян не было термина «подданный», приближающегося по смыслу к современному¹⁰, иным было и понятие «республика»: для них любая форма государственной власти была *res publica*. Поэтому переход от «гражданина» к «подданному» она трактует в основном как переход от «связей соучастия» (в управлении, в «разрешении больших проблем») к «связям подчинения». Видимо, такой трактовкой обусловлено отсутствие в ее работе попытки связать понятие «подданный» с каким-либо латинским термином. Думается, что, сосредоточив свой анализ материала в рамках *civitas* и Рима – столицы империи, Е.М. Штаерман не обратила должного внимания на отношения Рима с попадавшими под его власть племенами и городами.

Между тем в практике взаимоотношений Рима с побежденными противниками (уже в ходе завоеваний на Апеннинском полуострове) встречается термин *dediticii* (см., например: Liv. VII. 30–38 – ситуация в Капуе в IV в. до н.э.¹¹; IX.43.7 – итоги войны с герниками¹²) – так обозначались племена и города, сдавшиеся безоговорочно

⁷ См., например: *Доватур А.И.* Политика и политики Аристотеля. М.–Л., 1965. С. 14–21, 60–65, 74–75; *Утченко*. Ук. соч. С. 18–41; *Lauffer S.* Πολίτης // *Untersuchungen ausgewählter altgriechischer sozialer Typenbegriffe*. Bd 3. В., 1981. S. 376–384.

⁸ См. *Аристотель*. Политика. I. 1. 12 (1253a 27); *Lauffer*. Op. cit. S. 376.

⁹ *Маяк И.Л.* *Populus, cives, plebs* начала республики // ВДИ. 1989. № 1. С. 66–80.

¹⁰ Научные чтения памяти С.Л. Утченко // ВДИ. 1980. № 3. С. 228.

¹¹ По сообщению Тита Ливия, послы Капуи под угрозой захвата города самнитами умоляли римлян защитить их город и заявили, что передают под власть и покровительство римского народа Капую, земли, святилища и все, что им принадлежит, и отныне они становятся «*dediticii vestri*» (VII. 31. 4); см. также рассуждения римских воинов (VII. 38. 7).

¹² См. *Маяк И.Л.* Взаимоотношения Рима и итальянцев во II в. до н.э. М., 1972. С. 50, 62.

на усмотрение победителя: их население, оставаясь лично свободным, включалось в качестве *civitas sine suffragio* (или с другими правовыми ограничениями) в состав римского государства, лишалось части земель, уплачивало дань, обязывалось поставлять воинов, подчиняться римским должностным лицам¹³.

Видимо, о таких подчиненных Риму территориях идет речь у Полибия в приведенном им и датированном 509 годом до н.э. первом договоре между римлянами и карфагенянами о дружбе и установлении границ военных и торговых интересов (III. 22. 4–13). В этом не упоминающемся другими авторами договоре, о котором Полибий сообщает, что он написан архаическим малопонятным для его современников языком, говорится: «Карфагенянам возбраняется обижать народ ардеатов, антиатов, ларентинов, киркеитов, тарракинитов и всякий иной латинский народ, подчиненный (ὄσοι ἂν ὑπήκοοι) римлянам. Если какой народ и не подчинен (μὴ ὄσων ὑπήκοοι) римлянам, карфагенянам возбраняется тревожить города их, а если бы какой город они взяли, то обязуются возвратить его в целости римлянам». Далее Полибий приводит второй, датируемый 348 годом до н.э., договор между Римом и Карфагеном (упоминаемый и Диодором – XVI. 69, и Ливием – VII. 27) о разграничении военных и торговых интересов, где также упоминаются зависимые и независимые от Рима города в контексте, заслуживающем внимания: «Если бы карфагеняне овладели в Лациуме каким-либо городом независимым (μὴ οὐδῶσαν ὑπήκοον) от римлян, то они могут взять деньги и пленных, а самый город обязаны возвратить. Если какие-либо карфагеняне взяли в плен сколько-нибудь человек из народа, соединенного с римлянами писанным договором (πρὸς οὓς εἰρήνη μὲν ἔστιν ὑραπτός), но им неподвластного (μὴ ὑποτάτθονται δέ τι αὐτοῖς), карфагенянам возбраняется привозить этих пленных в римские гавани...» (III. 24. 5–6). И в первом, и во втором договоре употреблен термин οἱ ὑπήκοοι для обозначения подвластных Риму городов или племен и соответственно для неподвластных – μὴ ὑπήκοοι. Независимые города, с которыми у Рима есть письменный договор, обозначаются μὴ ὑποτάτθονται.

Слово οἱ ὑπήκοοι в древнегреческом словаре И.Х. Дворецкого переводится как «подданные», в словаре Лиддэл–Скотта – как *subjects*, т.е. примерно в том же смысле. Вполне закономерно предположить, что Полибий при переводе латинских договоров на греческий язык использовал слово οἱ ὑπήκοοι для передачи понятия *dediticii*.

Посмотрим, какое содержание вкладывали греческие авторы в термин οἱ ὑπήκοοι. Геродот употребляет этот термин главным образом в связи с отношениями восточных владык и подвластных им народов: мидийского царя Фраорта и покоренных им персов (I. 102), Дария и ливийских племен (II. 167), Ксеркса и фракийских племен (VII. 111), и лишь в одном месте речь идет о греческих полисах (но не о реальном факте, а о предполагаемой возможности): в процессе переговоров со Спартой аргосцы опасались, что если не заключат с ней договор о тридцатилетнем мире, то в случае поражения от персов могут попасть под власть (стать ὑπήκοοι) лакедемонян (VII. 149).

Можно предположить, что ко времени завершения Геродотом своего труда термин ὑπήκοοι вошел в словоупотребление для обозначения зависимых полисов. У Фукидида он встречается с первых же глав: по его словам, уже во времена Миноса малые города становились ὑπήκοοι соседних городов, обладавших превосходством на море (I. 8. 3); однако накануне Греко-персидских войн в Греции среди сухопутных государств даже у могущественных полисов еще не было подчиненных (ὑπήκοοι) союзников (I. 15. 2). Далее Фукидид пишет, что в ходе войн с Персией афиняне, создавшие мощный флот, стали по предложению самих независимых (αὐτονομοί) союзников предводителями союза и установили, какие города должны поставлять корабли с

¹³ Полибий, характеризуя римское понимание сущности перехода побежденных под покровительство Рима (τῆν Ῥωμαίων ἐπιτροπήν) во II в. до н.э., сообщает: «Народ, предоставляющий себя усмотрению римлян, прежде всего отдает им занимаемую страну с находящимися на ней городами, вместе с тем все мужское и женское население, какое живет на этой земле и в этих городах, равным образом реки, гавани, святилища, могилы, словом, римляне становятся владыками всего, а отдающие себя на их усмотрение не оставляют в своем обладании решительно ничего» (XXXVI. 4. 1–3; пер. Ф.Г. Мищенко).

экипажами и какие вносить деньги (I. 96–97). Как известно, в состав Афинской архэ входили три категории союзников: свободные полисы, автономные, но обязанные поставлять военные суда и гоплитов, и обязанные платить φόρος (т.е. подать, дань)¹⁴. Именно этих последних Фукидид называет ὑπήκοοι.

При изложении событий Пелопоннесской войны Фукидид постоянно употребляет этот термин и по отношению к некоторым афинским союзникам (I. 117 – упоминаются византийцы; II. 23 – Ороп; III. 102 – Меликрия; IV. 108 – Амфиполь; VI. 84 – Эвбея; VIII. 64 – Фасос), и при общей характеристике военных сил Афинского союза. Так, Никий, перечисляя необходимые воинские контингенты для похода в Сицилию, говорит о гоплитах из числа афинских союзников, из ὑπήκοοι и наемников (VI. 22; о таком же составе войска, отправившегося в 415 г. до н.э. в Сицилию, говорится в VI. 43). В 413 г. афиняне посылают в Сицилию дополнительные силы, «собрав всех людей, пригодных для военной службы» из числа афинских граждан, островитян и «остальных подвластных им союзников» (ἐκ τῶν ἄλλων ξυμμαχῶν τῶν ὑπήκων – VII. 20. 2).

Однако термин ὑπήκοοι Фукидид применяет не только к членам Афинской архэ, но и по отношению к городам, подвластным некоторым другим полисам. Так, столкновение лекадемонян с мантинейцами произошло, по его словам, из-за паррасиев – ὑπήκοοι Мантинеи в Аркадии (V. 33. 1); Никий, предостерегая афинян от трудностей похода в Сицилию, так охарактеризовал ситуацию на острове: «Города, на которые мы идем в поход... могущественны, не зависят один от другого (οὐθ' ὑπήκοοις ἀλλήλων) и вовсе не нуждаются в политических переменах» (VI. 20. 2). В то же время, по свидетельству Фукидида (VI. 88. 4), племена сиколов, жившие на равнине, были ὑπήκοοι Сиракуз, тогда как сиколы, населявшие центр острова, оставались независимыми (αὐτόνομοι).

Характеризуя состав участников сражений у Сиракуз на стороне Афин, Фукидид (VII. 57. 3–7) называет прежде всего союзников-ионийцев (жителей Лемноса, Имброса, Эгины, Гестиэи на Эвбее), «другие участвовали в походах как подвластные (ὑπήκοοι) или как независимые (αὐτόνομοι) союзники, иные же были просто наемниками (μισθοφόροι). В числе подвластных и данников (ὑπήκων καὶ φόρου ὑποτελών) находились: Эретрия, Халкида, Стира и Карист на Эвбее; из островов: Кеос, Андрос, Тенос; в Ионии: Милет, Самос и Хиос. Из них Хиос, однако, не платил никаких податей, но зато выставлял для союзного флота корабли. В основном все это были ионяне... Хотя и подвластные афинянам и по принуждению (ὑπήκοοι δ'ὄντες καὶ ἀνάγκη), но все же они шли в поход как ионяне против дорийцев. Кроме этих ионян, были также эолийцы: мэфимнейцы, правда, также подвластные афинянам, хотя и не бывшие данниками (οὐ φόρω ὑπήκοοι), но обязанные выставлять корабли, а также жители Тенедоса и Эна, обложенные податью (ὑποτελεῖς)».

В этом фрагменте термин ὑπήκοοι употребляется в разных сочетаниях: ὑπήκων καὶ φόρου ὑποτελών (57. 4), οὐ φόρω ὑπήκοοι (57. 5), ὑπήκοοι δ'ὄντες καὶ ἀνάγκη ... ἡκολούθουν (57.4). Надо заметить, что слово ὑπήκοοι в разных контекстах переводчики переводят по-разному, в данном фрагменте и в других случаях наиболее часто как «подвластные», но также и «зависимые», «подданные», «данники»¹⁵. Какой же смысл вкладывал в термин ὑπήκοοι сам Фукидид? Как его интерпретировали (в изложении Фукидида) сами афиняне (их политические лидеры) и зависящие от Афин ὑπήκοοι?

Перикл в надгробной речи, восхваляя могущество Афин, утверждает: из всех современных государств только полис афинян «не вызывает упрека у подчиненных,

¹⁴ См., например: Кондратьев М.В. Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 334–365; Исаева В.И. Принципы межполисных отношений конца V – середины IV в. до н.э. // Там же. Т. II. С. 77–120.

¹⁵ См., например, перевод Ф.Г. Мищенко: «подданный» – I. 117; II. 23; V. 95 и 97; VII. 57. 3–4; 63. 3; перевод Г.А. Стратановского: «данники» – VI. 84. 2; «подданные» – I. 117; V. 97; «зависимые» – II. 23; в других случаях – «подвластные», «подчиненные».

что они будто бы покоряются людям, недостойным владычествовать» (οὐτε τῷ ὑπηκόω κατάμεμψιν ὡς οὐχ ὑπ' ἀξίω – II. 41. 3). В другой речи, настаивая на продолжении войны с Пелопоннесским союзом, Перикл уверяет сограждан, что миролюбивая политика не принесет пользы Афинской державе, так как «она годится лишь подвластному городу, чтобы жить в безопасном рабстве» (ἐν ὑπηκόω ἀσφαλῶς δουλεύειν – II. 63. 3), при этом он сравнивает владычество Афинской архэ с тиранией, «добиваться которой несправедливо, отказаться же от нее весьма опасно» (II. 63. 2).

Такое же сравнение политики могущественной державы с тиранией вкладывает Фукидид и в речь афинского посла Евфема в Камарине: «Для тирана и для могущественного города, господствующего над другими городами, все, что выгодно, то и разумно» (VI. 85. 1 – пер. Г.А. Стратановского), хотя цель этой речи – уговорить жителей Камарины присоединиться к Афинам и помочь вернуть леонтинов в их город, «но не затем, чтобы обратить их в наших данников, подобно их соплеменникам на Евбее (μη ὑπηκόους ὥσπερ τοὺς ξυγγενεῖς αὐτῶν τοὺς ἐν Εὐβοίᾳ)», а затем, чтобы иметь в них союзников против Сиракуз (VI. 84. 2).

Ободряя воинов перед последним решающим сражением под Сиракузами, Никий, обращаясь к гребцам-метекам, сказал: «Вы... полностью разделяете с нами выгоды нашего владычества, внушая страх подвластным нам» (τοῖς ὑπηκόοις – Ф.Г. Мищенко переводит «подданным» – VII. 63. 3).

Итак, с позиций афинских политиков (в изложении Фукидида) Афины властвуют (ἀρχεῖται) над ὑπηκόοι, подобно тиранам, руководствуясь принципом «что выгодно, то и разумно»; ὑπηκόοι под властью Афин жили в «безопасном рабстве», испытывая страх даже перед экипажем афинского флота; они платили дань (φόρος) на содержание афинского флота, а в критические моменты афинских военных операций поставляли воинов и гребцов. В конце Пелопоннесской войны Афины потребовали от ὑπηκόοι вносить вместо фороса морскую пошлину (εἰκοστήν).

Пожалуй, наиболее отчетливое представление о взаимоотношениях Афин и их ὑπηκόοι дает диалог между представителями мелосцев и афинских стратегов. Мелос, сравнительно крупный остров из Кикладской группы и наиболее близко расположенный к Пелопоннесу, был заселен колонистами лакедемонян. Мелосцы не желали, подобно другим островитянам, подчиняться афинянам (οὐκ ἤθελον ὑπακούειν). Безуспешной была первая попытка Афин подчинить Мелос в 426 г.; в период подготовки сицилийской кампании афиняне вновь предприняли экспедицию против Мелоса. Перед началом военных действий, по свидетельству Фукидида, состоялись переговоры о возможности мирного подчинения мелосцев. Этот обстоятельный диалог (V. 84.2–114.1) между мелосцами и афинянами, составленный Фукидидом, по мнению исследователей и переводчиков, отражает, с одной стороны, позицию агрессивной части афинских стратегов, с другой – взгляды самого Фукидида при изложении позиции мелосцев¹⁶. Не углубляясь в политические и мировоззренческие представления самого Фукидида и афинских лидеров, выведенных в его труде, ограничимся сопоставлением изложенного в диалоге понимания интересующих нас терминов в трактовке той и другой сторон.

Мелосские синедры, соглашаясь на переговоры, указали, что военные приготовления афинян грозят Мелосу при несогласии с их предложениями войной, а при согласии – рабством (πεισθεῖσι δὲ δουλείᾳ). Афиняне, не отрицая военной угрозы, заявили, что цель переговоров – спасение их города, причем в переговорах надо исходить из того, что при неравенстве сил право на стороне сильного, слабые должны уступить (V. 89). Мелосцы расценили это заявление как отказ от правового рассмотрения вопроса и предостерегли афинян, что в случае поражения они сами послужат примером возмездия. Афиняне в ответ заявили, что их не страшит оказаться побежденными Лакедемоном, опаснее, если подданные (οἱ ὑπηκόοι) обратятся против своих властителей (τῶν ἀρχάντων). В интересах своего владычества (τῆς...

¹⁶ См. примечание Г.А. Стратановского к этим главам: *Фукидид. История*. Л., 1981. С. 492.

ἀρχῆς) они предлагают мелосцам подчиниться к взаимной выгоде (V. 91). Каким образом, спросили мелосцы, рабствовать (δουλεῦσαι) для них может быть столь же полезно, как для афинян властвовать (ἄρξαι – V. 94). По словам афинян, стать их подданными (ὑπακοῦσαι) выгоднее, чем претерпеть жесточайшие бедствия войны. На предложение мелосцев оставить их нейтральными друзьями, не вступающими ни в какие союзы, афиняне ответили, что их подвластные (οἱ ἀρχόμενοι) воспримут это как признак слабости. Считают ли подданные (οἱ ὑπήκοοι) Афин справедливым, задали вопрос мелосцы, одинаковое отношение к независимым (букв.: не родственным – μὴ προσήκοιτας) городам и к тем, по большей части афинским колонистам, которые уже отпадали и были усмирены (ἀποστάτες τινὲς κεχείρωται – V. 96)? По словам афинских посланцев, в том и другом случае недостает законных оснований, но на превосходящих силой из страха не нападают, а подчинение мелосцев, кроме расширения владычества, способствует безопасности Афин; будучи слабее других островитян, мелосцы должны подчиниться господствующим на море (V. 97). Синедры вновь предостерегают афинян: убеждая мелосцев подчиниться (ὑπακοεῖν) требованиям своей выгоды, они могут сделать своими врагами все нейтральные полисы (V. 98. 1–2). На это афиняне ответили, что они опасаются не материковых полисов, медящих с защитой своей свободы, а неподвластных (ἄναρκτος) островитян вроде мелосцев и тех, кто раздражен вынужденным подчинением (τῆς ἀρχῆς τῷ ἀναγκαίῳ) и по безрассудству может подвергнуть себя и Афины большой опасности (V. 99). В ответ на это мелосцы заявили, что если афиняне идут на большую опасность, чтобы сохранить свою власть, а поработенные (δουλεύοντας) ими города – чтобы освободиться от нее, то для мелосцев «пока свободных (ἔτι ἐλεύθεροι) было бы подлой трусостью не испытать все, чтобы избежать рабства (πρὸ τοῦ δουλεῦσαι ἐπεξελθεῖν – V. 100)». Речь идет не о состязании в доблести, а об их спасении, ответили афиняне, так как они не имеют сил противостоять противнику.

Далее мелосцы высказывают надежды на переменчивость военного счастья, на покровительство богов, а главное – на помощь лакедемонян. Афиняне попытались убедить мелосцев в безосновательности надежд на лакедемонян и в заключение предложили подчиниться «умеренным требованиям» их могущественного государства – стать его союзником, сохранив свой город, и уплачивать дань (ξυμμαχους γενέσθαι ἔχοντας τῇ ὑμετέραν αὐτῶν ὑποτελεῖς – V. 111.4). Мелосцы, посоветовавшись, заявили, что они не могут «отказаться от свободы» (τὴν ἐλευθερίαν ἀφαίρησόμεθα – V. 112). И так как мелосцы не подчинились (οὐδὲν ὑπήκουον), афинские стратеги открыли военные действия. Следующей зимой афиняне, усилив осаду, взяли Мелос, сдавшийся на милость победителя, мужчин перебили, женщин и детей поработили (ἠδραπόδισαν), на остров вывели апойкию (V. 116. 4).

Итак, из диалога следует, что афиняне в интересах сохранения своего могущества на море заключают союз с сильными островными государствами, а слабых принуждают стать союзниками-подданными, т.е., сохраняя свой полис, признать господство Афин и платить им форос, причем они убеждают мелосцев, что это умеренные требования и служат для спасения их города. Мелосцы же упорно твердят, что подчинение афинянам равносильно поработению, что неоднократно их подданные отпадали, что пытавшихся отпасть афиняне усмиряли (κεχείρωται). Однако в рассуждениях обеих сторон можно проследить, что речь шла о подданстве или поработении полиса в целом, а не отдельных граждан, и, напротив, военное столкновение привело не только к уничтожению полиса мелосцев, но и к поработению граждан.

Очевидно, обозначение ὑπήκοοι – «подданные» в трудах Геродота и Фукидида следует отнести к терминологии внешних межгосударственных отношений, вошедшее в широкое употребление в связи с расширением Афинской архэ.

Ксенофонт в «Греческой истории», завершая историю Пелопоннесской войны и рассказывая о дальнейших событиях вплоть до 362 г. до н.э., продолжает пользоваться тем же термином ὑπήκοοι, но заметно реже, чем Фукидид. В основном он называет «подданными» города и племена, подвластные или не подвластные персидскому царю

или его сатрапам. Так, в III. 1. 3 рассказывается, что Тиссаферн, прибыв в сатрапию, решил, что все ионийские города должны быть его подданными (ὑπηκόους εἶναι); в III. 1. 13 – что Мания, назначенная Тиссаферном правительницей части Эолиды, присоединила к своим владениям города Ларису, Гимакий и Колоны, ранее ей не подвластные (οὐχ ὑπηκόοι); в IV. 8. 5 – что маленькие города Темнос, Эги и некоторые другие продолжали существовать, не будучи подданными царя (οὐχ ὑπηκόοι ὄντες); в IV. 8. 5 – что Агесилай советует Фарнабазу отложиться от персидского царя и тогда подвластные царю станут его подданными (σοὺς ὑπηκόους), причем подчинение царю обозначено как δουλεία.

Термин ὑπηκόοι применяется также в рассказе о деятельности Ясона, одного из правителей Фессалии, для обозначения отношений фессалийцев с подчиненными им городами и этносами или находящимися под угрозой такого подчинения. Например, сообщается¹⁷, что Ясону уже подвластны (ὑπηκόοι) мараки, долопы, правитель Эпира Алкет (VI. 1. 6–7); при объединении Фессалии никто не сможет сделать фессалийцев подданными (ὑπηκόοι), они же смогут подчинить все окружающие этносы (πάντα τὰ κύκλῳ ἔθνη ὑπηκόα μὲν ἔστιν), все будут приносить им дань (φόρον φέρει); и хотя царь Персии, по мнению Ясона, богаче всех людей, так как собирает доходы не только с островов, но и с материка, его подчинить (ὑπηκόοι ποιήσασθαι) легче, чем Элладу, так как народ там «скорее рабствует, чем озабочен защитой страны» (μᾶλλον δουλείαν ἢ ἀλκὴν μεμελετηκότας – VI. 1. 9–12).

При описании взаимоотношений между греческими полисами Ксенофонт применяет термин ὑπηκόοι только дважды. Во-первых, при характеристике политики Олинфа: послы из Аканфа и Аполлонии на собрании лакедемонян и их союзников в 382 г. просят их помощи против усилившегося Олинфа (V. 2. 12–15), который, по их словам, присоединил ряд македонских городов и Потидею на Палленском перешейке¹⁸ и намерен подчинить (ὑπηκόους ἔσεσθαι) их города и их соседей. Из речи посла следует, что присоединенные Олинфом города, получая симполитию, обязаны поставлять воинские контингенты и подчиняться его законам, кроме того, постановлениями народного собрания разрешаются взаимные браки и приобретение имущества, что приводит к их слиянию с Олинфом¹⁹ и росту его могущества.

Во-вторых, в конце своего труда, оценивая результаты битвы при Тегее в 362 г. до н.э., Ксенофонт пишет (VII. 5. 26–27), что здесь сошлась с оружием в руках почти вся Эллада и никто не сомневался, что в результате сражения «победившие будут властвовать, а побежденные станут подданными» (τοὺς μὲν κρατήσαντας ἀρξέει, τοὺς δὲ κρατηθέντας ὑπηκόους ἔσεσθαι), однако ни та, ни другая сторона не добились решающего успеха. Это, пожалуй, единственный случай, где в такой общей форме положение побежденных греческих полисов характеризуется как ὑπηκόοι – «подданные» тех, кто одержал бы победу, т.е. либо Беотийского союза полисов, либо Спарты и ее союзников (в том числе и Афин).

Примечательно отсутствие этого термина при изложении конкретного материала военной и политической деятельности этих союзов. Описывая последние годы существования Афинской архэ и неоднократно упоминая афинских союзников, Ксенофонт нигде не называет их ὑπηκόοι, хотя день капитуляции Афин и разрушения длинных стен называет «началом свободной жизни для греков» (II. 2. 23). Еще более неопределенно обозначаются отношения Спарты со своими союзниками: лакедемоняне вступают в борьбу со своими противниками за автономию греческих полисов и вместе с тем они претендуют на роль гегемонов Эллады (IV. 1. 8).

В «Греческой истории» Ксенофонт поместил две речи: фиванских послов в Афинах в 395 г. и афинских послов в Спарте в 371 г., характеризующих политику Спарты в

¹⁷ Ксенофонт приводит здесь (VI. 1. 4–16) речь Полидаманта из Фарсала, рассказывающего об агрессивных намерениях Ясона.

¹⁸ О достоверности этого сообщения см. комментарий С.Я. Лурье в кн.: *Ксенофонт*. Греческая история. Л., 1935. С. 306.

¹⁹ Ср. условия присоединения к Риму итальянских городов (см. выше).

отношениях с союзниками. Первая была произнесена в народном собрании в Афинах и имела целью привлечь афинян к союзу с Фивами против Спарты (III. 5. 10–15), вторая – в Спарте перед лакедемонянами и их союзниками по поводу заключения мира (VI. 3. 7–8). Не останавливаясь на вопросе о соответствии составленных Ксенофонтом речей реальной ситуации и позициям участников посольств, отметим один очевидный момент: при всей его симпатии к лакедемонянам Ксенофонт не мог умолчать об отрицательной оценке спартанской практики в отношениях с союзниками среди части греческих полисов. Фиванцы обвиняли лакедемонян в том, что добившись успеха в войне, они со своими свободными союзниками обращаются как деспоты (δεσπόται ἀνατεφήνασιν), а тем, кого они освободили из под власти Афин, они вместо свободы доставили двойное рабство: тиранию гармоистов и декадархов (ἀντὶ γὰρ ἐλευθερίας διπλῆν αὐτοῖς δουλείαν παρεσχήκασιν – III. 5. 13).

В более мягкой форме, но по существу в том же, упрекают лакедемонян афиняне: «Вы все время говорили, что все государства должны быть автономными, но сами больше всего препятствовали их автономии. Вы заключали с союзными государствами договоры, в силу которых они были обязаны участвовать во всех ваших походах, куда бы вы ни направлялись. Что общего между этим и автономией? Вы объявляете врагами, кого вам угодно, не совещаюсь с союзниками... Но что более всего противоречит автономии – вы учреждаете в одних из союзных городов правление десяти, в других правление тридцати, причем вы заботитесь не о том, чтобы эти правители управляли по закону, а чтобы они были в состоянии силой и принуждением удерживать власть в своих руках. Получается такое впечатление, что вам более по душе тирания, чем свободное государственное устройство» (VI. 3. 7–8).

Как видим, лакедемонян упрекают в нарушении автономии союзных полисов, в тираническом (или деспотическом) характере их власти, в навязывании «двойного рабства» подчиненным полисам, и тем не менее эти последние нигде не названы ὑπήκοοι, нет определенных свидетельств, что подвластные лакедемонянам города уплачивали им какие-то регулярные взносы²⁰. В русском языке понятие «подданные» (в прямом смысле) предполагает, что подвластные обязаны платить дань или подать, греческий термин ὑπήκοοι не содержит сам по себе такого значения, между тем ὑπήκοοι царя Персии и его сатрапов платили подать, Ясон взимал со своих подданных дань, афинские ὑπήκοοι вносили форос. Видимо, взимание дани с подвластных полисов было – с позиций могущественных государств – одним из основных (наряду с политической зависимостью) признаков подчинения (как плата за безопасное существование в обстановке постоянных военных столкновений: см. речь Перикла у Фукидида – II. 63. 3).

Поражение Афин в Пелопоннесской войне и распад Афинской архэ привели, как кажется, практически к исчезновению из политической лексики этого термина, получившего у противников Афин одиозное звучание. На первый план в политике выступает принцип автономии полисов – провозглашенный как условие Анталкидова мира, он становится определяющим в отношениях с соседними государствами²¹. Все члены возникшего в 378 г. Второго афинского морского союза считались автономными: согласно декрету об учреждении союза, каждый его член должен быть «свободным и автономным, сохраняя государственное устройство, какое ему будет угодно, не принимая к себе ни гарнизон, ни правителя (ἀρχοντον), не внося фороса» (Ditt. Syll. 80; = Tod. II. 123). Однако, по словам Исократ, многие среди афинских союзников «платят подати и выполняют наши приказания» (Агеорэг. 1), только взнос уже называется не φόρος, а σύνταξις – взнос на основе соглашения.

С усилением Македонии, ее вмешательством в межполисные отношения внутри

²⁰ Есть упоминания об эпизодических сборах с союзников (*Xen. Hell.* V.1.2; VI.4.2).

²¹ *Исаева.* Принципы межполисных отношений... С. 102–113; *она же.* Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. С. 146–150.

Греции вновь приобрел особую остроту вопрос о независимости греческих полисов. В афинской публицистике этого времени в устных выступлениях и в письменных речах активно обсуждалась угроза экспансии Македонии, необходимость ей противостоять, методы этого противостояния. Обсуждение велось в привычных понятиях: свобода и автономия, свобода или рабство (*ἐλευθερία, αὐτονομία, δουλεία*; термин *ὑπήκοοι* появляется у Исократы лишь в связи с подчинением Филиппом фракийских и фессалийских племен – пеонов, перребов, магнетов – Phil. 19), но во всех случаях речь идет о межгосударственных отношениях²².

Эти же понятия присутствовали и в договоре между греческими полисами и Филиппом, заключенном в 338 г. на Коринфском конгрессе и подтвержденном позднее Александром. Приписываемая Демосфену речь «О договоре с Александром» сообщает: «Договор прямо в самом же начале говорит, что греки должны быть свободными и самостоятельными» (*ἐλευθέρους εἶναι καὶ αὐτονόμους* – XVII. 8) – и далее – «члены Союзного совета и лица, поставленные на страже общего дела, должны заботиться о том, чтобы в государствах, участниках мирного договора, не применялись ни казни, ни изгнания вопреки установленным в этих государствах законам, ни отобрания в казну имуществ, ни передел земли, ни отмена долгов, ни освобождение рабов в целях государственного переворота» (XVII. 15; пер. С.И. Радцига). Таким образом, Коринфский конгресс, провозглашая свободу и автономию полисов и установление мира между греческими государствами и Македонией, одновременно предписывал сохранение и внешнеполитического мира, и гражданского мира внутри полисов, при этом наблюдение за исполнением решений Конгресса возлагалось на союзный совет – синедрион и царя Македонии, гегемона союза (Polyb. IX. 33. 7: καὶ κατὰ γῆν αὐτὸν ἡγεμόνα καὶ κατὰ θάλατταν). Оценивая содержание коринфского соглашения, Э.Д. Фролов писал: «Обладание свободой и автономией было сопряжено для участников договора с принадлежностью к новой политической системе, существенными признаками которой должны были стать прочный мир и твердый порядок»²³. Разделение власти и сотрудничества между синедрионом и македонским царем-гегемоном было, по его мнению, фиктивным: это объединение было похоже на прежние симмахии гегемонистского типа²⁴. Коринфский конгресс способствовал утверждению «македонской супрематии»²⁵.

Л.П. Маринович в своей книге, посвященной истории полисов Греции и Малой Азии в годы правления Александра Македонского²⁶, анализирует политическую обстановку в Афинах между битвой при Херонее (338 г.) и Ламийской войной (323 г.), взаимоотношения Спарты и Македонии в этот период, политику Александра по отношению к полисам Малой Азии, прослеживает постепенную утрату полисами независимости, изменение содержания основных политических понятий и терминов. В главе «Полисы в структуре новой империи», рассматривая указ Александра о возвращении изгнанников (по сообщениям древних авторов и надписей из Митилены, Тегей и Калимны) и трактовку этого акта в современной историографии, Л.П. Маринович видит в нем «определенный шаг в эволюции его власти от гегемона лиги к царю новой державы»²⁷. Опираясь на проделанную в историографии большую работу по выяснению генезиса понятий *ἐλευθερία* и *αὐτονομία*, она пишет, что первое относится к категории понятий этики и политики, а второе прошло сложную эволюцию,

²² *Исаева*. Античная Греция... С. 146–156, 165–173.

²³ *Фролов Э.Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н.э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С. 54; *он же*. Панэллинизм в политике IV в. до н.э. // Античная Греция. Т. II. С. 190.

²⁴ *Он же*. Коринфский конгресс... С. 59.

²⁵ *Он же*. Панэллинизм... С. 191.

²⁶ *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский. М., 1993. Эта весьма содержательная, насыщенная фактическим материалом и сопоставлениями различных взглядов исследователей на его интерпретацию, книга, к сожалению, не нашла своей оценки на страницах ВДИ (как и многие книги других авторов, вышедшие в нашей стране за последние годы).

²⁷ *Маринович*. Ук. соч. С. 206.

«сформировавшись как категория права». Уже при Филиппе термин *αὐτονομία* «с утратой полисной свободы в ее прежнем, обычном значении приобретает черты подчиненности и зависимости»²⁸. В «Заключении», подводя итоги, Л.П. Маринович пишет, что внутренний социально-политический кризис отдельных полисов перерос в кризис полисной системы, «все полисы и собственно Греции, и Малой Азии оказались в зависимости от одной чужеземной силы»²⁹.

Но если тот или иной полис как государственная структура стал зависимым от царя, можно ли предполагать, что граждане в целом и каждый отдельный гражданин стали подданными царя, зависимыми от него? Можно ли считать по аналогии с Римом, что «связи соучастия» в управлении полисом начинают вытесняться «связями подчинения», т.е. ослабевают связи граждан с полисной организацией, происходит отстранение (или устранение) гражданина от участия в политической жизни полиса, подчинение царской администрации?

По мнению ряда исследователей, на протяжении IV века до н.э. в Греции можно проследить некоторое ослабление связей гражданина с его полисом, и этому в первую очередь способствовало распространение наемничества. Л.П. Маринович, исследуя роль наемничества в греческих полисах, отмечает, что в IV в. до н.э. «наемное войско становится своеобразной социальной организацией, в известной мере противостоящей полису... внутри войска складываются иные, не свойственные полису формы зависимости... формируется новая идеология, отличная от полисной. Разрывается связь между понятиями "гражданин" и "воин", т.е. между полисом и войском»³⁰. Л.М. Глускина считает наемничество, пополнявшееся за счет бедняков, а также людей, искавших обогащения, авантюристов и политических изгнанников, порождением процесса разложения полисной структуры и, ссылаясь на Лисия (XXXI. 6), Демосфена (II. 24, 27, 31; III. 30, 33–35; IV. 7; VIII. 21; IX. 73–75; X. 46), Исократ (VIII. 44–48), Аристотеля (Polit. IV. 10. 9 [1297b 10–12]), утверждает, что «основная масса граждан становится все более равнодушной к проблемам общегосударственного значения, в частности уклоняется от несения военной службы»³¹. С использованием наемников связано появление так называемой «младшей (или поздней) тирании» – авторитарной власти правителя, противопоставлявшего себя гражданскому коллективу³². Младшая тирания возникла преимущественно на окраинах полисного мира – в Фессалии, Фокиде, Геракле Понтийской, Кари и других регионах – в основном как следствие осложнений внутренней социально-экономической и политической обстановки.

Но не менее сложной была ситуация и в старых ведущих полисных центрах. Впечатляющую картину политического противостояния различных группировок в Афинах в последней трети IV в. до н.э. воспроизводит во второй главе своей книги о греческой политике Александра Македонского Л.П. Маринович³³. Называя лидеров, возглавлявших политические группировки – Ликурга, Демосфена, Гиперида, Эскина, Фокиона, – она приводит многообразные сведения об их происхождении, общественном и материальном положении, их личных политических и этических взглядах, о предполагаемом составе примыкавших к ним и поддерживавших каждого из них группировок, об экономических интересах, внешнеполитической ориентации и месте этих группировок в политической жизни Афин. Автор приходит к заключению, что в IV в. возрастает роль экономических факторов в политической борьбе, разные группы граждан смотрят на политику «сквозь призму своих экономических интересов... В конечном счете эта система воззрений знаменует разложение полисного

²⁸ Там же. С. 180.

²⁹ Там же. С. 211.

³⁰ Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 264.

³¹ Глускина Л.М. Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Т. II. С. 36.

³² См. Фролов Э.Д. Греческие тираны (IV в. до н.э.). Л., 1972. С. 9; он же. Младшая тирания // Античная Греция. Т. II. С. 124.

³³ Маринович. Греки и Александр Македонский. С. 56–154.

мировоззрения. Интересы полиса как целого отступают на второй план перед интересами определенной группы граждан»³⁴.

Другое важное наблюдение, вытекающее из обзора политической борьбы, отмеченное автором, – это присущая почти всем политическим группировкам критика демократии в той ее форме, которая была свойственна Афинам этого времени, в частности, роли народного собрания как «полновластного суверена полиса». Результатом этой борьбы стала, по мнению Л.П. Маринович, «постепенная девальвация концепции демократии, растущая готовность части состоятельной верхушки афинского общества к принятию не только олигархического режима, но и чужеземной власти»³⁵. В «Заключении», подчеркивая специфику кризисных явлений в разных типах полиса, она говорит, опираясь на афинский материал, о размытии «ранее очень четких» границ гражданского коллектива, обособлении разных групп гражданства, имеющих свои особые экономические и политические интересы, что вело к разложению гражданского коллектива; однако «кризис системы независимых греческих полисов» не означал гибель полиса, он продолжал существовать и в последующие эпохи, претерпев существенные изменения.

Итак, исследователи, констатируя кризис греческого классического полиса, отмечают ряд существенных изменений в социальных, идеологических и психологических установках греческого гражданства: 1) некоторое ослабление связи гражданина с полисом в результате развития наемничества, порожденного расслоением и обеднением части граждан; 2) появление «младшей тирании» как следствия социальных и экономических осложнений в полисе, возможности использовать наемников для установления деспотической власти; 3) экономическое расслоение гражданства и увеличение роли экономических факторов в политической борьбе, появление множества политических группировок, имевших свои экономические и политические интересы и разную внешнеполитическую ориентацию, и как следствие – размытие четких границ гражданского коллектива; 4) девальвация концепции демократии, критическое отношение к роли народного собрания, готовность состоятельной верхушки к принятию олигархического режима; 5) изменение в трактовке понятий «свобода» и «автономия» полиса, различия в отношении к царю Македонии (лояльное и враждебное) как одно из характерных направлений политической борьбы; 6) разложение гражданского коллектива, ослабление связей в нем.

Если сопоставить эти явления в греческих полисах (наблюдаемые преимущественно в Афинах) с отмеченными Е.М. Штаерман чертами кризиса и разложения римской *civitas* и перерождением римского гражданина в подданного, то на первый взгляд можно заметить много общего: экономическое и социальное расслоение, девальвация полисных (гражданских) ценностей, ослабление связей внутри гражданского коллектива, лояльность по отношению к монархической власти. Но удастся ли обнаружить в греческих источниках какие-то признаки начавшегося вытеснения исконных «связей соучастия» (в большей или меньшей мере прямых) в управлении полисом (= государством) непосредственными «связями подчинения» гражданина государственному аппарату, македонской царской власти? Не навеяны ли отчасти суждения о разложении гражданского коллектива в греческих полисах и ослаблении связей в нем концепциями С.Л. Утченко и Е.М. Штаерман, сложившимися на основе римского материала? Но нельзя забывать, что в Риме этот процесс начался на три-четыре века позднее и в рамках огромной державы, в условиях (что особенно важно отметить) значительно изменившихся социально-экономических отношений. А греки в IV в. до н.э. жили в обстановке преобладания полисных структур, казавшихся им по сравнению с «варварскими» государствами наилучшей формой организации общественной жизни. И не случайно Аристотель с характерным для него восприятием действительности и аналитическим ее рассмотрением посвятил так много внимания

³⁴ Там же. С. 130.

³⁵ Там же. С. 134.

исследованию полиса и в теоретическом плане, и в его реальном историческом существовании. Вероятно, главным образом это было обусловлено критикой полисной структуры в современной ему публицистике и философской мысли, но в какой-то мере это было и ответом самому себе, греку, выросшему в маленьком городке полисного типа (попадавшем в зависимость от соседей), а затем жившему в одном из важнейших полисов Греции – Афинах, а также у тирана Гермия в малоазийском полисе Атарнее и, наконец, при дворе македонского царя Филиппа. В отличие от Исократ, Демосфена, Гиперида, Ликурга и других афинских ораторов и политиков, граждан одного из наиболее прославленных, с устойчивыми демократическими традициями и в недавнем прошлом могущественного государства и потому обостренно воспринимавших изменения в социально-экономическом и политическом положении своего полиса, Аристотель рассматривал жизнь греческих полисов несколько отстраненно, с позиций наблюдателя и исследователя многообразного исторического материала. Понимая всю сложность вопроса о политической теории Аристотеля и необозримость посвященных его взглядам исследований³⁶ и ни в коей мере не претендуя на изложение его взглядов на затронутые выше вопросы, осмелюсь все же привлечь внимание к некоторым его высказываниям в «Политике».

Анализируя разные типы государств – и современные ему, и ранее существовавшие – и проекты государств, предлагаемые философами, Аристотель неизменно говорит о *полисе* как основе государственного устройства. Сообщество (κοινότης) из нескольких селений (κωμῶν), пишет он, «есть вполне заверщенное государство» (τέλειος πόλις), самодостаточное, «возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни» (I. 1. 8 [1252b 27–30]; перевод здесь и далее С.А. Жебелёва). Он неоднократно подчеркивает естественное (φύσει – «по природе») возникновение и существование полиса (см. 1253a 2; 19; 25) и его «по природе» большее значение, чем семья. «Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому» (I. 1. 12 [1253a 25–27]). Несколько раньше он говорит: кто живет вне государства «по природе» (ὁ ἄπολις διὰ φύσιν), а не вследствие случайных обстоятельств, тот или сверхчеловек (κρείττον), или человек (подобный порицаемому Гомером) «без рода, без племени, вне закона, без очага» по природе своей жаждущий войны (I. 1. 9 [1253a 3–6]). Следовательно, Аристотель при каких-то обстоятельствах допускает жизнь вне полиса, но нормальной естественной формой существования человека предполагается жизнь внутри полиса, так как «человек по природе есть существо политическое» (или: «полисное» – πολιτικόν).

Исходным принципом при анализе типов полисов Аристотель считает необходимость выяснить, все ли граждане принимали участие «либо во всем, касающемся жизни государства, либо ни в чем, либо в одних делах принимали участие, в других – нет. Чтобы граждане не принимали участия ни в чем, это, очевидно, невозможно...» (II. 1. 2 [1260b 38–40]). Это последнее утверждение весьма примечательно: непричастности гражданина к жизни полиса, с точки зрения Аристотеля, не могло быть. Во всех типах государственного устройства, рассмотренных в «Политике», присутствует полисная структура, т.е. гражданский коллектив, в той или иной мере участвующий в экономической, общественной и политической жизни полиса и определяющий устойчивость соответствующего режима.

Следует отметить постоянство политической терминологии Аристотеля в обозначении обладающих властью и подвластных, это либо ἄρχων и ἀρχόμενοι, либо ἀρχεῖν и ἀρχεσθαι, независимо от того, идет ли речь о выборных должностных лицах или ти-

³⁶ На русском языке наиболее обстоятельное исследование: *Доватур*. Политика и политии Аристотеля (там же указана соответствующая литература).

ранах и царях. Напомним и широко известные его суждения о том, что «хороший гражданин должен уметь и быть способным и подчиняться, и начальствовать» (Ш. 4. 10 [1277b 13–15]) и что «гражданином в общем смысле является тот, кто причастен и к властвованию, и к подчинению» (Ш. 7. 13 [1283b 42]). Поэтому едва ли уместно в переводе текста «Политики» применять по отношению к подвластным тирана или монарха термин «подданный»³⁷, тогда как в греческом тексте, как и везде, стоит обычное обозначение ἀρχόμενος. Термин ὑπάκοος, ставший, как уже говорилось, одиозным после Пелопоннесской войны, Аристотель не употребляет в «Политике» (лишь однажды здесь встречается глагол ὑπακούειν в связи с рассуждением о двух частях души и способности подчиняться разуму и другой ее части – IV. 13. 6 [1333a 18]). Может быть, именно потому, что у граждан греческих полисов еще существовало представление о «подданных» (ὑπάκοοι) персидского царя, и продолжали сохранять свою ценность важнейшие элементы полисной организации, отмеченные Аристотелем? В этом отношении представляет интерес предположение Л.П. Маринович, что полисы Малой Азии не принимали участия в Ламийской войне, поскольку они иначе воспринимали гегемонию Македонской державы: освобождение от персидского господства и власти олигархов сопровождалось для них восстановлением демократического строя, что «отвечало интересам массы гражданства»³⁸.

На общем фоне многовековой истории эллинских полисов Аристотель подметил природную устойчивость их социально-экономической структуры и ее способность существовать в рамках разных политических режимов и достаточно убедительно, как мне кажется, показал это в «Политике».

Итак, подведем итоги моих наблюдений, возникших в результате сопоставления предложенной С.Л. Утченко лаконичной формулы, описывающей путь античного мира – от полиса к империи, от гражданина к подданному, но опирающейся в основном на римские источники, с исследованиями и источниками по истории греческих полисов в период начавшегося кризиса полисной структуры и столкновения с Македонской державой. Мне хотелось бы подчеркнуть, что понятие «подданные», т.е. подвластные как в политическом, так и в экономическом плане, возникло сравнительно рано и в греческом мире (ὑπάκοοι), и в республиканском Риме (dediticii), но эти понятия были связаны с межгосударственными отношениями. Внутри своего полиса человек сохранял свой гражданский статус. Как показали многочисленные исследования, имущественное расслоение влекло за собой (и в греческих полисах, и в римской civitas) ослабление связей гражданина с полисом, но в Греции это наблюдалось в основном среди полярных слоев гражданства – наиболее зажиточных и наиболее бедных. В Риме ситуация была иной: разложение гражданского коллектива римской civitas в значительной мере было обусловлено превращением Рима в средиземноморскую державу. Описанные Е.М. Штаерман процессы фиксируются преимущественно в верхушечных (столичных) слоях общества, она отмечает сохранение элементов гражданственности в среде муниципальной знати вплоть до начала кризиса III века.

Устойчивость полисной структуры при любой форме политической власти обусловлена тем, что полис был основной социально-политической организацией, которая стояла между гражданином и внешними силами, в той или иной мере оберегая и защищая его и в период независимости, политической самостоятельности полисов, и в период включения в состав той или иной державы – Македонии, эллинистических царств³⁹, Римской империи. И едва ли там, где существовали полисы (и пока они существовали, в том числе и в форме муниципия), можно проследить заверченный переход от «связей соучастия» к «связям подчинения», так как

³⁷ См. перевод С.А. Жебелёва в кн.: *Аристотель*. Соч. в 4-х томах. Т. 4. Политика. С. 552, 559 сл., 563, 565 и др.

³⁸ *Маринович*. Греки и Александр Македонский. С. 214.

³⁹ См., например, о месте полисов и роли полисной структуры в рамках державы Селевкидов: *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 222–264.

гражданин прежде всего продолжал участвовать с теми или иными ограничениями в экономической и социально-политической жизни своего полиса и лишь как член гражданского коллектива подчинялся вышестоящей государственной власти. Следовательно, если рассматривать взаимоотношения гражданина и государства с таких позиций, то можно говорить о «связях соподчинения», т.е. не прямого, а опосредованного полисными институтами подчинения государственной власти*.

«FROM A CITIZEN TO A SUBJECT» – DID THE PROCESS
TAKE PLACE IN GREECE IN THE IV CENTURY B.C.?

A.I. Pavlovskaya

In the present article is a rejoinder to the definition of the way of development of the Ancient world, suggested some time ago by late S.L. Utchenko, – from polis to empire, from citizen to subject, from «ties of participation» to «ties of submission», and to the detailed picture of this process in social and cultural life in Rome as elaborated by E.M. Shtaerman in her work «From citizen to subject» (in «Culture of Ancient Rome», Moscow, 1985).

The author notes that the concept of «subjects», i.e. subordinates both politically and economically (those who pay tribute), did exist in the Greek world (ὑπηκοοί, e.g. Herod. VII, 149; Thuc. II, 41, 3; V, 84–96; VII, 57 etc.; Xen. Hell. V, 2, 12–15; VII, 5, 26–27), as well as in Republican Rome (*dediticii*, e.g. Liv. VII, 30; 38; IX, 43; cf. Polyb. III, 22, 4–13; 24, 5–6), but those concepts were connected with international relations. Inside his polis or community an individual retained his civic status. Numerous investigations demonstrated that the process of property stratification had resulted (both in Greek poleis and in the Roman *civitas*) in slackening the ties of a citizen with his polis. In Greece, however, this was true mainly for the polar groups of citizens, namely the most wealthiest and the poorest people. The situation in Rome was quite different: disintegration of the civic community of the Roman *civitas* was conditioned by the transformation of Rome into a great Mediterranean power, and the processes described by E.M. Shtaerman took place mainly in the upper strata of the Roman society.

«Natural» (φύσει) stability of polis structure under any form of political regime, noticed by Aristotle was caused by the fact that the polis was a basic social and political organization which stood between a citizen and external forces; to a certain extent the polis defended him both in the periods of political independence and in the time when the polis was incorporated into some great power – Macedonia, Hellenistic kingdoms or Roman Empire.

Wherever poleis existed and all that time through one can hardly see any transition from the «ties of participation» to the «ties of submission», because a citizen continued to participate under some restrictions in the economic and political life of his polis. He obeyed the highest state authority only as a member of a civic community. Consequently, looking at the relations of man and state from this point of view, one should speak of the «ties of coordination», i.e. a submission to the state authority which was not direct but mediated by polis institutions.

---

* Публикация статьи осуществлена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Становление гражданского общества в древности» (код проекта: 96-01-00508).